народом власть есть власть первоначальная, а потому высшая...». Исполнительная власть, которую «вверяет народ единому или многим», находится под его прямым и непосредственным контролем. «Худое власти народной употребление есть преступление» (III, 10). Подобный идеал политического порядка отличался от представительной системы Мабли и по непосредственным государственным формам, и по теоретическим установкам. Не случайно Мабли с раздражением говорил о развитии искусства красноречия в Афинах. Из-за права «всякому пятидесяти лет гражданину держать речь в народном собрании» «витийство приобрело сим власть сената превышающую», что «судейскую мудрость покорило своевольству народа» (II, 252). Радищев же с удовлетворением отмечает летописные сведения о древнерусском красноречии как историческое свидетельство распространения в древней Руси демократических форм правления. Выписав указание на то, что «Воробей посадник... бе вельми сладкоречив... иде на торжище и паче всех увеща»,— он делает вывод: «Из сего видно, что красноречие тогда было почитаемо и *народные собрания во употреблении*» (III, 34).

Ясно, что замена прямого народовластия представительством — излюбленная идея Мабли — не встретила у Радищева сочувствия. Это выразилось в пояснительном примечании к слову «ефоры». Характер примечания заставляет предположить, что Радищев имел в виду и концепцию Мабли, и уточнение ее в аналогичном примечании Курбатова. Если Мабли в характеристике эфоров подчеркивал «между различными властями равновесие», вследствие чего, с одной стороны, «самодержавство, которым народ пользовался», было гарантией от узурпации власти царями и сенатом, с другой — «демократическая правления часть всегда бывала бессильна и утеснена судейскою властию, сколь скоро она свою власть во зло употребить хотела» (II, 236), то концепция Курбатова уточняет эту характеристику в духе идей Руссо о народном суверенитете. Однако и Мабли, и его русский переводчик положительно относятся к институту эфоров, видя в нем средство защиты народных интересов.

Точка зрения Радищева была, как мы видели, иной. Сторонник непосредственного народовластия, глубоко веривший в творческие возможности народа, Радищев критически относится к созданию политического института, подменяющего народное собрание. Он осуждает то, что «ефоры не имели положенных пределов своея власти. Представление об эфорах как защитниках «самодержавия народа» — основной тезис и Мабли, и Курбатова — также берется Радищевым под сомнение.